

ИЮЛЬ
1944

Очерк Олега Анисимова.

Русская литературная критика всегда имела большую склонность к идеологии. Быть может, эта ее особенность происходит от того, что ее основатель — Белинский, а за ним, с его легкой руки, Писарева, Чернышевский, Михайловский и воспитанники их школы, (а другой не было) оценивали достоинства литературного произведения в значительной степени в зависимости от идеологии его содержания и пренебрегали оценкой чисто художественных достоинств.

Раз пойдя по этому пути, критика до начала XX века от него уже не отклонялась. Идеологическое толкование литературных произведений стало в России традицией. Писатели прежде всего классифицировали — реалист, натуралист, романтик, идеалист и проч., а затем, вписав его в известные рамки, просто и удобно мерили заранее приготовленным аршином. В этих рамках жизнь превращалась в схему, природа — в олеографию, а писатель в «представителя литературной школы». И не напрасно сетовал Влок на то, что жизнь его, бывшая «восторгом, бурей, адом, превратится под пером критика для потомства во «внушительный научный труд».

Эту предвкусенную Влоком горечь я особенно остро понял, читая в «Новом Мире» (Москва 1939 год) критический очерк Дермана о Чехове. Живой, трепетный, до болезненности чуткий, Чехов, певец огорчений и радостей нашей обиденной, подчас скучной, но страстно любимой им жизни, встает перед судом потомства, чтобы ответить на вопрос, почему он проглядел тот единственный класс, который был способен «спустить мост через роз» — рабочий класс России? Чеховские герои уложены в «срубники», а сам Чехов — критик воспевающий руины в отчаянии — подвергается строгайшему выискиванию за «политическую безграмотность».

А между тем, именно Чехова труднее, чем кого-бы то ни было вписать в рамки теории. Изучение медицины (А. П. Чехов окончил медицинский факультет), указывает на то, что каждого пациента нужно лечить по-разному, принимая во внимание его индивидуальные особенности, укрепило в Чехове мысль, что нет общих, применимых одинаково во всем, законов психической и физической жизни. Каждый человек — неповторим и раз, только раз, живет на этой земле. «Будем жить!» восклицает автор «Рассказов неизвестного человека». «Солнце не восходит два раза в день и жизнь дается не дважды... Да

жить, это главное. Смысл жизни именно в том, чтоб ее прожить!

«Я вовсе не хочу», — говорят другой Чеховский герой, — чтобы из меня вышло что-нибудь особенное, чтобы я создал великое, а мне просто хочется жить, мечтать, надеяться, всюду поспевать»...

Жить, быть самим собою, жить не для того, чтобы исполнять какие-то навязанные нам извне общественные законы, обязательства в догматы, а для того, чтобы исполнить то, к чему ты сам себя чувствуешь предназначенным, и к чему тебя предназначила природа.

Само собою разумеется, что при таком взгляде на жизнь Чехов был противником всякого насилия, всякого деспотизма, всякого принуждения. «Если людей топить и вешать», говорит он устами добродушного Самойленко: «то к чорту твою цивилизацию, к чорту человечество! К чорту! — «Свобода есть благо», говорит он в другом месте устами Гималайского: «без нее нельзя, как нельзя без воздуха».

«Послушайте, а знаете что? Ведь в России через десять лет будет конституция», такова была по свидетельству обычного излюбленная фраза Чехова. «Даже и здесь звучит у него тот же мотив о радостном будущем. Да, несмотря на утверждение многих критиков, упрекавших Чехова в пессимизме, именно верой в жизнь, бесконечно многообразную и богатую

и, которая могла бы быть бесконечно прекрасною, проникнуто мироощущение Чехова.

В самом деле, говоря о Чехове, значительно важнее дать почувствовать его мироощущение, чем пытаться извлечь из его трепещущих свежестю жизни рассказов какую-то определенную, философскую систему — это не значит, что Чехов не задумывался над жизнью. Напротив, он много думал и о ней, и о прогрессе, и, в особенности, о человеческих отношениях. Но воспринимал он жизнь во всей полноте всем своим существом, а не только умом, и его взгляд отличавшийся ястребиной остротой — хоть этот эпитет и не вяжется с Чеховским добродушным юмором — замечал не только краски, но и оттенки, схватывал каждую характерную мелочь, каждый жест собеседника и сердце его радовалось многообразию жизни.

«Как богата разнообразная русская жизнь, ах, как богата!» восклицает Ярцев, герой одного из лучших рассказов Чехова «Три года». Любовь к многообразию, к новизне впечатлений, стремление к свежести я в жизненной правде сохранялись у Чехова до конца дней с той силой, которая свойственна лишь людям, любящим и чувствующим людей и природу. Чехов всегда искал новых ощущений, радовался как ребенок каждому новому переживанию и умел находить их даже в самых незначительных событиях и наблюдениях. Жизнь скрытая-чиновная, мечтательного о том, чтобы приобрести небольшое имение, посадить там крыжовник и есть ягоды с собственного огорода — скучная пошлая жизнь обыкновенного человека превращается под пером Чехова в настоящую человеческую драму, в которой, — в этом великая общечеловеческая правда Чеховских рассказов — каждый из нас находит отзвук собственной жизни. И именно вспоминаются слова великого художника — «Нет незначительных сюжетов, есть только незначительные художники».

Эта способность схватывать в частном — общечеловеческое, достигается проникновенным проникательством зрения. Если героем Достоевского вскрывают нам подчас ранее скрытые от нас самих подсознательные глубины демонического и трагического в нашей душе, то герои Чехова заставляют нас задуматься над нашими слабостями и ошибками, в которых так часто мы сами не отдаем себе отчета. Вот картина Вера Гавриловна («Княгиня»), забывающая благотворительностью, содержащая нескольких старух и скверную школу, в ко-

торой она сама хочет учить, и уверенная в том, что нет человека лучше нее. Вот жалкая, молящаяся прижавшая («Волода»), прожившая два состояния — свое и мужнино — и тяготеющая к высшему обществу, не замечая того, что оно ее презирает за бедность, за пристрастие к чужому табаку, что она не платит долгов.

А сколько пошляков, тшеславных харверистов, мечтающих об ордеах, сколько бездарных пустословов, вроде профессора Серебрякова, повторяющих вслед за Рудиним, заповешнюю и всем опровергнутую фразу о том, что «довольно слов, пора взяться за дело». Сколько неудачников, бездарных литераторов и, наконец, просто скучных людей, проходящих мимо жизни, не замечая ее красоты, сколько людей, которых Данте поместил в ад, за то, что они без причины «были печальны на чистом воздухе, освещенном солнцем».

Сатирический характер Чеховского таланта, его склонность и умение изображать отрицательных типов, людей опешающих жизнь, послужили причиной чрезвычайно неверного взгляда части публики и современной Чехову критики на писателя. Его называли «нытиком», пессимистом, меланхоликом, укоряли в том, что он замечает в жизни лишь дурное, смешное, пошлое, неудачное. С этим мнением согласиться невозможно. Не говоря о том, что сам Чехов категорически отрицал наличие у себя пессимизма, что такой знаток людей и искусства, как Станиславский, категорически заявлял, что «Антон Павлович был самым большим оптимистом, какого мне только приходилось видеть», а Куприн, тоже близко знавший писателя, говорил, что у него всегда звучал тот же мотив о радостном будущем, ждущем человечество, не говоря об этих доказательствах, достаточно внимательно прочесть его произведения, чтобы заметить, что Чехов никогда не сетует на то, что жизнь пошла в скучина, на то, что она не может дать нам больших чувств и переживаний, а лишь на то, что мы, опешаем ее своим отношением к ней, что мы проходим мимо главного и настоящего, а тянемся за какими-то побрякушками, говорим неуместные слова, добиваемся татуиров, орденов и почета, и проходим мимо самого большого и единственно стоящего — мимо самой жизни и красоты настоящих чувств.

Если не самой тайной, то мотивом, создающим настроение большей части Чеховских рассказов, является, именно, ложь в отношениях между людьми, боязнь посмотреть в лицо правде, фальши и страх перед жизнью. Чеховские рассказы — утверждение жизни и осуждение нашего отношения к ней.

Какая фальшь в отношении между коллегатами («Скучная история»)... «мы оба необыкновенно вежливы и стараемся показать друг другу, что очень рады видеть друг друга. Я усаживаю его в кресло, а он усаживает меня, при этом мы осторожно поглаживаем друг друга по талиям, касаемся плутов, точно боясь об-

жечься. Оба смеемся, хотя не говорим ничего смешного»...

Комизм этой сценки — как обычно у Чехова — «сквозь незримые миру слезы». Ведь профессор и его коллега из-за чрезмерной учтивости никогда не будут откровенны друг с другом, никогда не выскажут один другому своих мнений и мыслей. Они никогда не соприкоснутся, как человек с человеком. Условности светской жизни вытравли из них свежесть, непосредственность, даже честность во взаимоотношениях. И точно также, как отношения к коллеге и вся остальная жизнь профессора будет не настоящей, ни одному чувству он не решится отдаться полностью. Поэтому он будет бесполезен и другим. Кате, которая рыдая целует ему руки и молит его о помощи:

— Ведь вы мой отец, мой единственный друг! Ведь вы умны, образованы, долго жили. Говорите же: что мне делать? Он сможет ответить лишь:

— Давай завтракать.

А разве не страшны полное непонимание между младшим и старшим поколениями («Задача») и столкновение твердых убеждений и основ морали отцов с непобедимой жадной жизни молодости, ломающей все препятствия. Недоговоренность между людьми может довести до ненависти людей горячо любящих друг друга («Именины»). Прибавьте ко всему этому, что часто условия жизни не дают человеку возможности быть самим собой, что в тоске добывает великая сила, не находящая себе применения («Степь»).

Но все это еще не дает повода для отчаяния. Условия жизни изменимы, корни зла не так глубоки, чтоб его нельзя было выкорчевать. Чехов не требует коренных реформ, не жаждет революции, не мечтает о превращении человека в ангела. Но ему не чужда вера в прогресс, основанная на очень простых и трезвых аргументах. Ненавистник всего грандиозного, высокопарного и пышного, но верящий в значительность малых дел и фактов, из совокупности которых составляется жизнь, Чехов не без юмора оправдывает свою веру в прогресс: «...я с детства уверовал в прогресс и не мог не уверовать, так как разница между тем временем, когда меня драли, и временем, когда меня перестали драть, была страшная...»

«Расчетливость и справедливость», писал Чехов в другом месте, «говорят мне, что в электричестве и паре любви к человечеству больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса». Нужно ли напоминать, что к этой мысли о прогрессе Чехов возвращается в своих песнях и, хотя она и не является основой его мироустройства, слова, Вершина о том, что между тем что есть и тем что было — огромная разница, выражают мысль самого автора. Но, конечно, этой веры в прогресс не следует преувеличивать и Чехов не думал о том, что нужно отказаться от настоящего, во имя будущего; идея никогда не заставляла от него того, что он считал

самым важным, самым прекрасным: самой жизни и человека.

★ ★

Говоря о произведениях Чехова нельзя обойти молчанием его единственного в своем роде мастера, не нашего подражания и дающего писателю особое место в нашей литературе. Талант и характер художника отнюдь не всегда гармонируют. Мы знаем артистов с комическим талантом, мечтавших всю жизнь о больших ролях в трагедиях; знаем романтических поэтов, писавших скверные стихи в ложно-классическом вкусе, знаем писателей реализма, увлекшихся философией. В Чехове, напротив, в прекрасной гармонии сочеталась любовь к жизни, к новым впечатлениям, к многообразию с поразительной способностью подмечать и передавать все характерное, схватывать внешний жест, выражающий внутреннее переживание. В Чеховских героях — в этом сказывается великое искусство писателя — нет ничего случайного, точно также, как нет ничего лишнего в его сюжетах. «Если», говорил он однажды одному начинающему писателю, «вы в описании комнаты упомянули, что на стене висел пистолет, из него обязательно нужно будет стрелять». Точно также, описывая своего героя, Чехов упоминает о его внешности лишь постольку, поскольку она его характеризует. При этом незначительная мелочь, которую почти каждый из нас проглатил бы, всегда выдает у Чехова какую-нибудь характерную черту, будь то «выражение слабости и неуверенности», бывающее у людей, хотя и мало, но постоянно появляясь, или «квельственные жесты, гримасный голос, — что-сэ, — и-и-да-сэ, — небрежный тон»... появляющийся у добродушного Петра Дмитриевича каждый раз, когда ему приходится замирать на председателемском кресле крестного отца жены, графа Алексея Петровича.

И сама природа в Чеховских рассказах замечается в соответствии с основным тоном рассказа. При виде скучной семьи пошлого чиновника луна прячется за тучи «точно табакую попиохла». Природа, которая может быть «мягкой, белой, молодой» («Припадок») становится в минуту тоски «безнадёжно-больной» и похожа на «падшую женщину, которая одна сидит в темной комнате и старается не думать о прошлом».

Все, таким образом, гармонирует у Чехова в устремленности к той же художественной цели, чем я достигается совершенно изумительная цельность впечатления. Чеховские рассказы напоминают миниатюры нидерландских мастеров, фиксировавших с необыкновенной яркостью на полотно какой-нибудь отдельный момент человеческой жизни, значительный, несмотря на кажущуюся обыденность сюжета уже одним тем, что тем картин — жизнь и человек. Естественно, что при изображении отдельных моментов человеческой жизни, передача ощущений и настроений выступает сильнее и ярче, чем выраже-

ные больших, глубоких чувств, которые, однако, чувствуются у Чехова под поверхностистыми, но сильными переживаниями минуты, как глубокое и постоянное подводное течение. Но ведь и в жизни проявление больших чувств встречается не каждый день. И нет, в самом деле, ничего правдоподобнее, чем вспышка минутной и поверхностной ненависти между людьми горячо любящими друг друга («Именины»).

К этой внутренней цельности Чеховских рассказов нужно еще прибавить необыкновенную свежесть языка. («Не заливай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок») и покоряющий читателя беззлобный «Чеховский» юмор.

О том, с какой единственной в мировой литературе серьезностью Чехов относился к своему «литературному ремеслу» свидетельствует один интересный факт из жизни писателя. В 1899 году Чехов продал свое имение Мелихово под Москвой, главным образом, потому, что, по его признанию, после «Мужиков» Мелихово уже не хотелось и потеряло для него цену.

Говоря о Чехове необходимо сказать еще несколько слов о его отношении к театру. Чехов начал писать для театра рано, причем первые

его вещи, хотя и не имели особенно-го успеха, все же обратили на себя внимание своей новизной. В своих пьесах, как и в рассказах, Чехов искал, прежде всего, простоты и свежести. Решительно возставая против шаблона — а пьесы, ставившиеся в конце XIX века строились на изображении уже давно всем надоевших «типов-злодеев», «резонеров» и проч. и на комбинировании театральных эффектов, Чехов решил создать театр без эффектов, писать пьесы, в которых «люди приходили-бы, уходили, обедали, разговаривали о погоде, играли в винт... Пусть на сцене все будет так же сложно и вместе с тем просто, как и в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбивается их жизнь...»

В соответствии с этим принципом Чехов пишет пьесу «Иванов», самое заглавие которой подчеркивает стремление к обыденности. Пьеса вызвала горячие споры среди театралов. После «Иванова» Чехов написал целый ряд одноактных пьес: «Калхас», «Медведь», «Предложение», «Трагик поневоле».

Провал «Чайки», поставленной в 1896 году на сцене Александринского театра, произвел на Чехова гнетущее впечатление. Он, вероятно, совер-

шенно отошел бы от театра, если-б не был основан Московский Художественный театр, с любовью и пониманием отнесшийся к Чеховским пьесам. Для него Чехов создал свои лучшие вещи: «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад».

Успех этих вещей, наконец, показал Чехову, что он понят русской публикой. Популярность его росла, его чествовали (чего Чехов так не любил), приветствовали, не давали ему покоя. Но дни его были сочтены: ни санатории, ни заграничные поездки не могли приостановить развития чахотки. Чехов слишком долго отказывался верить, что у него чахотка и не позволял врачам исследовать себя. Когда, неожиданно, у него хлынула горлом кровь, было уже поздно. Ни Крым, ни заграница — не помогли. Он умер со стоическим спокойствием. Видя, что он задыхается, лечивший его доктор хотел послать за кислородом. Чехов остановил его: «Не надо, пока принесут кислород, я уже умру».

Его тело было перевезено в Москву.

Чехов любил нами как исключительный писатель и драматург. Тем более досадно, что роль Чехова в русской литературе еще полностью не понята.

Сердцем вспомни русские березы,
авен малиновый колоколов.